

СЕРДЦЕ БАНДИТА

НАДЕЖДА ЧАРОДЕЙСКАЯ

Надежда Чародейская

Сердце бандита

<https://litres.ru/74231312>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он — Артём Корсаков. Младший брат того самого Дамира. Тихий, незаметный, он умеет только играть на гитаре и прятаться от чужих кулаков. После смерти матери он приезжает к брату, чтобы начать новую жизнь. Но его фамилия — приговор. Весь район знает Корсаковых как бандитов, и Артёму предстоит платить за чужие грехи.

Она — Анфиса «Фиса» Лаврова. Дочь начальника полиции. Её ненавидят все, кто боится её отца. Она носит чёрную кожу и яркий макияж, чтобы никто не видел, как ей страшно. Она спасает Артёма от избиения — просто потому, что не выносит несправедливости.

Их встреча — случайность. Их любовь — невозможна. Его отец — уголовник, её отец — человек, который сажает таких, как он. Но когда старый криминальный авторитет Булат возвращается в город, чтобы уничтожить Корсаковых, Артём должен выбрать: остаться тенью брата или стать тем, кто защищает свою семью.

Он не умеет драться. Он не умеет ненавидеть. Но ради неё и ради брата он научится всему. Даже если это будет стоить ему жизни.

Содержание

Глава 1. «Поезд до никуда»	4
Глава 2. «Первое утро»	19
Глава 3. «Секрет, который не держится»	40
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Сердце бандита

Глава 1. «Поезд до никуда»

Октябрь. Два года спустя после событий первой книги. Вокзал города Н.

Поезд номер 347 «Москва — Юг» замедлял ход. За окнами проплывали серые пятиэтажки, гаражи, бетонные заборы с надписями «Здесь был Вася» и «Спартак — чемпион». Небо было низким, тяжёлым, будто вот-вот раздавит город своей свинцовой тяжестью.

Артём Корсаков сидел у окна, прижимая к груди гитарный чехол. Второй рукой сжимал небольшой спортивный рюкзак, в котором лежало всё его имущество: смена белья, зубная щётка, паспорт, фотография мамы и двести тридцать рублей мелочью.

Он смотрел на проплывающие дома и чувствовал, как внутри разливается пустота. Та самая пустота, которая поселилась там три месяца назад, когда мама не проснулась.

Рак. То же самое, что убило маму Дамира. Та же болезнь,

те же больницы, те же слова врачей: «Мы сделали всё возможное».

— Держись, сынок, — сказала она за три дня до смерти. — Ты сильный. Ты справишься. И помни: ты не похож на отца. Ты — мой. Только мой.

Она улыбнулась. Погладила его по щеке. Закрыла глаза.

И больше не открыла.

Артём тогда сидел на больничной койке, держал её руку и не плакал. Потому что знал: если он заплачет — она увидит. Она всегда видела. И это будет самым большим предательством.

Теперь он смотрел в окно и тоже не плакал. За эти три месяца он выплакал всё, что можно. Осталась только сухая, колючая тоска, которая садилась на плечи и не давала дышать полной грудью.

— Приехали, молодой человек, — сказала проводница, заглядывая в купе. — Город Н. Ваша станция.

— Спасибо, — кивнул Артём.

Он встал, взвалил рюкзак на плечо, взял гитару. Вышел в коридор, прошёл к тамбуру. В голове гудело: «Город Н. Никогда здесь не был. Никого здесь не знаю. Только брат. Тот самый брат, которого я видел последний раз десять лет назад».

Десять лет. Целая жизнь. Тогда ему было шесть, а Дамиру — двенадцать. Мама забрала Артёма и уехала, оставив старшего сына с отцом. Артём помнил этот день смутно, как страшный сон: мама плачет, собирает вещи, Дамир стоит в дверях и смотрит на них огромными чёрными глазами. Он не плакал. Он вообще ничего не сказал. Просто смотрел.

— Мы вернёмся, — солгала мама. — Когда всё успокоится.

Они не вернулись.

Мама боялась отца. Боялась, что он найдёт их. Найдёт и заберёт Артёма, как забрал Дамира. Они скитались по съёмным квартирам, меняли города, работу, школы. Артём привык быть невидимым. Не привлекать внимания. Не высываться.

И вот теперь он ехал к этому самому брату. К тому, кого мама бросила. К тому, кто вырос без неё. К тому, кто, по

слухам, стал точной копией отца — жестоким, опасным, покрытым татуировками.

Страх холодил спину. Артём не умел драться. Он даже не умел громко разговаривать. В школе его дразнили «тихой», «библиотечным червяком», «ботаником». Он не лез в драки — просто уходил. Прятался. Ждал, пока всё утихнет.

— Если начнутся проблемы, — сказала мама за месяц до смерти, — поезжай к брату. Он не такой, как все говорят. Он — твоя кровь. Он защитит.

Артём не верил. Как может защитить человек, который сам — опасность? Но мама умирала, и он кивнул. Чтобы она не волновалась.

А теперь он стоял на перроне вокзала города Н, смотрел на серое небо и думал: «И что дальше?»

Вокзал был маленьким, грязным, прокуренным. У выхода стояли мужики с чемоданами, бабки с вязаными сумками, несколько студентов с пивом. Пахло углём, дизелем и мокрой листвой.

Артём достал телефон. Старый, потёртый, с треснутым экраном. Включил. Сеть ловила плохо, но одно сообщение

всё-таки загрузилось:

«Выходи к центральному входу. Я в чёрной машине. Узнаешь — у меня на лобовом стекле кролик».

Артём фыркнул. Кролик? На лобовом стекле? У того самого Дамира Корсакова?

Он пошёл к выходу. Жёсткий ветер ударил в лицо, бросил в него горсть мелкого дождя. Артём поднял воротник куртки, вжал голову в плечи.

И увидел машину.

Чёрный «Мерседес» стоял у самого входа, среди «Логан» и «Грант», как породистый конь среди ломовых лошадей. На лобовом стекле, прямо у зеркала заднего вида, действительно висел маленький вязаный кролик — розовый, с длинными ушами.

Артём замер.

Дверь машины открылась, и из неё вышел Дамир.

Артём смотрел, не дыша.

Этот человек был... другим. Не тем, кого он запомнил по детской фотографии. Дамир вымахал под два метра. Широкие плечи, руки в татуировках, короткая стрижка, на шее — тонкая серебряная цепочка. Он был в чёрной кожаной куртке, джинсах, тяжёлых ботинках. Он смотрел на Артёма с холодным вниманием, и его глаза — те самые чёрные глаза, которые мальчик запомнил навсегда — смотрели без злобы.

— Ну здравствуй, брат, — сказал Дамир, подходя ближе.

Голос его был низким, хрипловатым — точно таким же, как у отца. Артём вздрогнул.

— Здравствуй, — выдавил он.

Дамир остановился в двух шагах. Разглядывал Артёма с головы до ног — длинные волосы, бледное лицо, гитара в чехле, узкие плечи.

— Ты в неё пошёл, — сказал Дамир. — В маму.

— Да, — кивнул Артём.

— Хорошо, — коротко ответил Дамир. — Поехали. Дождь начинается.

Он развернулся, пошёл к машине. Артём потопал следом, чувствуя себя маленьким и неловким. Он не знал, что сказать этому огромному татуированному человеку, который был его братом. «Как дела?» — глупо. «Ты сильно изменился» — банально. «Прости, что мы тебя бросили» — больно.

Они сели в машину. В салоне пахло кожей, мятным чаем и ещё чем-то тёплым, домашним. На торпедке стояла пластиковая фигурка кота. Всё как в том сообщении.

— У тебя кот на панели, — сказал Артём, просто чтобы заполнить тишину.

— Ага, — Дамир усмехнулся. — Это мой. Бублик. Он такой же толстый, как эта фигурка.

— У тебя есть кот?

— Теперь пять, — признался Дамир. — Это долгая история. Расскажу потом.

Он завёл машину. «Мерседес» бесшумно тронулся. За окном поплыли улицы города Н — старые, неухоженные, с облупленными фасадами и редкими витринами. Артём смотрел на них и чувствовал, что город встречает его неприветливо.

— Ты голодный? — спросил Дамир.

— Не знаю.

— Как это — не знаю?

— Я не чувствую голода, — честно ответил Артём. — Три месяца уже.

Дамир бросил на него короткий взгляд. В глазах мелькнула тень — то ли боли, то ли сочувствия.

— Я знаю, — сказал он. — Когда мама умерла, я тоже не ел.

— Ты помнишь её?

— Помню, — Дамир посмотрел на дорогу. — Иногда просыпаюсь и слышу, как она поёт на кухне. Она любила петь.

— Она и меня учила, — сказал Артём. — Играть на гитаре.

— Это её гитара?

— Да. Она сказала: «Возьми её с собой. Она поможет, когда будет грустно».

Дамир замолчал. Машина свернула на широкую улицу, проехала мимо старого парка, мимо гимназии №5, мимо продуктового магазина «Фрукты-овощи». Артём смотрел по сторонам, пытаясь запомнить каждую деталь. Теперь это был его город. Его — хотя он не выбирал его.

— Мы почти приехали, — сказал Дамир. — У меня квартира на окраине. Скромная, но чистая. Соседи хорошие. Коты не дают скучать.

— А... она?

— Кто?

— Твоя девушка. Алиса. Я читал в старых сообщениях. Мама рассказывала.

Дамир улыбнулся. Впервые за эту поездку. Улыбка была тёплой, почти мальчишеской.

— Алиса будет на ужине. Она ждёт тебя, готовит пирог. Говорит, надо тебя откормить, потому что ты, цитирую, «выглядишь как спичка в свитере».

Артём почувствовал, как что-то внутри оттаивает. Совсем чуть-чуть. Но оттаивает.

— Спасибо, — сказал он. — Что взял меня.

— Ты — мой брат, — просто сказал Дамир. — Я бы и без мамы тебя взял. Рано или поздно.

Артём хотел спросить: «А если бы я не приехал?» — но не решился.

Машина остановилась у серой девятиэтажки. Дамир выключил двигатель. Повернулся к Артёму.

— Слушай, — сказал он, — я знаю, что тебе страшно. И непонятно. И ты не знаешь, что делать. Но ты здесь. Ты — дома. Даже если не чувствуешь этого.

— Я похож на отца? — спросил вдруг Артём.

Дамир замер. Его лицо стало серьёзным.

— Нет, — сказал он твёрдо. — Ты не похож. Он был зверем. Ты — человек. Это большая разница.

— А ты?

— Я был на грани, — Дамир посмотрел в лобовое стекло.
— Но Алиса вытащила. И теперь я пытаюсь быть человеком. Получается не всегда, но я стараюсь.

— А я? — спросил Артём. — Мне кто поможет?

Дамир посмотрел на него — долгим, изучающим взглядом.

— Мы поможем, — сказал он. — Я, Алиса, коты. Мы — твоя семья, Артём. Запомни это.

Он вышел из машины, открыл багажник, достал свой рюкзак (Артём взял только один). Подошёл к подъезду, открыл ключом дверь.

— Пошли, — сказал он. — Алиса заждалась.

Артём вышел, забрал гитару и рюкзак. Пошёл за братом в подъезд. На лестнице пахло кошками и щами. Где-то наверху лаяла собака. За дверью одной из квартир слышался детский плач.

Обычный дом. Обычная жизнь. Артём не был к ней готов.

Они поднялись на четвёртый этаж. Дамир открыл дверь ключом.

— Мы дома, — сказал он.

И Артём вошёл.

Квартира была маленькой, но светлой. В коридоре висели фотографии — Дамир и Алиса на фоне моря, коты на подоконнике, смешная фотография, где Дамир держит гитару и пытается взять аккорд.

Из кухни доносился запах пирога. Кто-то двигал посуду.

— Алиса! — крикнул Дамир. — Гость приехал!

Из кухни вышла Алиса.

Она была такой, как на фотографиях, которые Артём видел в мамином телефоне: невысокая, с тёмными волосами, собранными в пучок, и огромными серыми глазами. Она улыбалась. Тепло, как улыбаются близким.

— Артём! — сказала она. — Наконец-то!

И подошла, и обняла его. Совсем как родного. Артём застыл в неожиданности. Он не привык к объятиям. Но в этом было что-то — что-то правильное. Что-то, чего ему так не хватало.

— Здравствуйте, — сказал он тихо.

— Какое «здравствуйте»? — возмутилась Алиса. — Я твоя невестка. Будет «Алиса» или «сестра». Я понял?

— Понял, — кивнул Артём.

Она разжала объятия, посмотрела на него с головы до ног. Улыбка дрогнула — она увидела, что он худ, бледен, что у него синяки под глазами.

— Ты голоден? — спросила она тем же тоном, каким спрашивают больных.

— Немного.

— Хорошо. Я накормлю, — она взяла его за руку и потащила на кухню. — Садись. Пирог яблочный. Дамир, наливай чай. И не смотри так на брата, ты его пугаешь.

— Я не пугаю, — возразил Дамир, но сел за стол и дей-

ствительно налил чай.

Артём сел на стул. На колени ему прыгнул толстый рыжий кот — тот самый Бублик, о котором говорил Дамир. Он потёрся о руки, заурчал, улёгся, требуя внимания.

— Он к тебе сразу, — заметила Алиса. — Он чувствует хороших людей.

— А ты хороший? — спросил Дамир.

Артём пожал плечами.

— Я не знаю, — признался он. — Я хочу быть хорошим. Но иногда мне кажется, что я просто... пустой.

Алиса и Дамир переглянулись.

— Артём, — сказала Алиса, садясь напротив. — Ты не пустой. Ты — человек, который пережил потерю. Это не одно и то же.

— Я знаю, — он погладил кота. — Но иногда мне кажется, что если я не буду чувствовать — мне будет легче.

— Не будет, — тихо сказал Дамир. — Я тоже так думал.

И стал зверем. Не надо.

Артём посмотрел на брата. В его глазах была тень той боли, которую он никогда не видел в чужом взгляде. Похоже, Дамир говорил правду.

Он взял кусок пирога. Надкусил. Яблоко пахло корицей, теплом, домом.

— Вкусно, — сказал он.

— Ешь, — улыбнулась Алиса. — У нас много.

Они сидели втроём за столом. Коты прыгали вокруг. За окном шёл дождь. Было тесно, не совсем уютно, но тепло. Впервые за три месяца Артём не чувствовал пустоты.

Она была ещё там, внутри, но рядом с ней появилось что-то маленькое и тёплое.

Надежда.

Глава 2. «Первое утро»

Среда. 07:15. Квартира Дамира и Алисы.

Артём проснулся от того, что кто-то дышал ему в лицо.

Он открыл глаза и увидел рыжего кота. Бублик сидел у него на груди, смотрел жёлтыми глазами и издавал низкое урчание, похожее на работу старого двигателя.

— Ты что делаешь? — прошептал Артём.

Кот моргнул, зевнул, показав розовый язык, и потянулся. Когти выпустились, зацепились за футболку. Артём поморщился, но не отодвинул его.

— Ты не боишься, что я тебя скину?

Бублик фыркнул, будто говоря: «Ты ещё посмей».

Артём улыбнулся — впервые за долгое время не натянуто, а по-настоящему. Он погладил кота по голове, по спинке. Бублик замурлыкал ещё громче, прикрыл глаза.

— Друзья? — спросил Артём.

Кот ткнулся носом в его ладонь.

— Значит, друзья.

Он осторожно снял кота с груди, сел на кровати и огляделся. Комната была маленькой — раньше здесь, видимо, был кабинет или кладовка. Сейчас стояла раскладная кровать, старый письменный стол, на столе — настольная лампа в виде рыбы и стопка книг. Стены голые, если не считать одной фотографии: Дамир и Алиса на фоне моря. Она смеётся, он смотрит на неё с таким выражением, будто она — всё солнце мира.

Артём задержал на этом взгляд. Он никогда не видел, чтобы кто-то так смотрел на кого-то. В его мире люди смотрели устало, раздражённо или безразлично. А здесь — будто светился кто-то изнутри.

— Хорошо вам, — сказал он тихо.

Из кухни доносились звуки: шипение сковороды, звон посуды, негромкий разговор. Голос Алисы — звонкий, быстрый, как ручеёк. Голос Дамира — низкий, спокойный, с хрипотцой.

— Он ещё спит? — спросила Алиса.

— Не знаю. Я не заглядывал.

— Дамир, это твой брат. Он должен завтракать.

— Он проснётся, когда проголодается.

— А если он не проголодается никогда? Он же худой как спичка!

— Алиса, он уже взрослый человек. Если захочет — поест.

— Ты бессердечный.

— Я заботливый. Я не лезу в его тарелку.

— Ты просто боишься, что он увидит, какой ты на самом деле мягкий.

— Я не мягкий. Я — грозный Корсаков.

— Грозный Корсаков, который утром кормит пять котов и гладит их перед выходом на работу.

— Это был один раз.

— Это было вчера. И позавчера. И неделю назад.

— Ты меня спалила, — голос Дамира звучал с улыбкой.

Артём слушал и чувствовал, как странно, но тепло разливается по груди. Такая простая, обычная жизнь. Ссоры из-за еды, шутки про котов, утренний свет на кухне. Он не знал такой жизни. Мама работала по ночам, он просыпался один, сам разогревал вчерашний суп, шёл в школу, возвращался, делал уроки, ложился спать. Тишина. Пустота.

А здесь — шумно. Живо.

Он встал, натянул джинсы, свитер. Посмотрел в маленькое зеркало на стене. Тот же бледный парень, те же синяки под глазами, те же длинные волосы, которые надо было стричь. Он провёл пятернёй по голове, поправил чёлку, вздохнул.

— Выглядишь как призрак, — сказал он своему отражению. — Не пугай их.

Вышел в коридор. Коты — теперь уже все пятеро — си-

дели у двери на кухню и ждали, когда их покормят. Рыжий, чёрный, полосатый, белый, ещё один рыжий, помельче. Они устали на Артёма с одинаковым выражением: «Ты — новый. Мы тебя ещё не изучили».

Артём сделал шаг. Коты расступились, как море перед Моисеем. Только Бублик остался на месте, потерся о его ногу.

— Ты мой защитник? — спросил Артём.

Бублик мяукнул утвердительно.

На кухне Алиса стояла у плиты, жарила яичницу. Дамир сидел за столом, пил кофе и читал новости в телефоне. Увидел Артёма — отложил телефон.

— Доброе утро, — сказал он.

— Привет, — Артём сел на свободный стул.

— Спалось?

— Нормально. Кот задушил почти.

Дамир усмехнулся.

— Бублик всех так встречает. Он проверяет, живой ли ты. Если живой — можно дружить.

— Мы уже подружились.

— Быстро ты. Я его три дня уговаривал.

— Я, наверное, вкусный, — сказал Артём и сам удивился тому, что пошутил. Давно он не шутил. Не умел.

Алиса обернулась, улыбнулась.

— Видишь, — сказала она Дамиру, — у тебя брат с чувством юмора. Это хорошо. Выживем.

— Я не знал, — ответил Артём. — Я не шутил давно.

— Почему? — спросила Алиса, ставя перед ним тарелку с яичницей.

— Некому было. И незачем.

Алиса и Дамир переглянулись. Тот самый взгляд, который Артём уже начал узнавать: «Осторожно, не спугни».

— Садись, — сказала Алиса. — Ешь. В школе первый день. Надо набраться сил.

— Сегодня в школу? — Артём почувствовал, как внутри сжимается ком. Он думал, что ему дадут хотя бы день.

— Дамир уже всё уладил, — сказала Алиса. — Директор согласился. Ты будешь учиться в параллельном классе. Там тебя не знают, там никто не будет... — она запнулась.

— Не будет сравнивать? — закончил Артём.

— Да, — кивнула Алиса. — Если ты не скажешь, что ты Корсаков — никто не узнает.

Артём посмотрел на Дамира. Тот сидел с непроницаемым лицом.

— А если узнают? — спросил Артём.

— Я разберусь, — коротко ответил Дамир.

— Ты же обещал больше не драться.

— Я обещал, что не буду драться из-за себя, — поправил Дамир. — Из-за тебя — можно.

— Дамир! — возмутилась Алиса.

— Шучу, — он улыбнулся той самой кривой улыбкой. — Не буду я драться. Я просто поговорю.

— Ты и говорить умеешь страшно.

— Это у меня талант.

Артём слушал их перепалку и чувствовал, как внутри оттаивает ещё на один градус. Странно. Эти люди — которых он видел второй раз в жизни — уже казались ему родными. Как будто он всегда был частью этого утреннего хаоса. Как будто он всегда должен был сидеть за этим столом, есть яичницу и слушать, как брат и его девушка спорят о котах и драках.

— Я пойду, — сказал он, вставая. — Соберусь.

— Ты не доел, — заметила Алиса.

— Я наелся.

— Ты съел полтарелки.

— Я много не ем.

— Артём, — она взяла его за руку, — я знаю, что тебе трудно. И странно. И ты не знаешь, как с нами разговаривать. Но мы — не чужие. Мы — семья. А в семье едят завтрак до конца.

Он посмотрел на её руку. Тёплую, мягкую. Потом снова сел и доел яичницу. До последней крошки.

— Молодец, — сказала Алиса. — Я в тебя верю.

Артём не ответил. Потому что вдруг понял: он сам в себя не верит. И не знает, сможет ли когда-нибудь.

08:30. Гимназия №5.

Здание школы было старым, с высокими потолками, лепниной и длинными коридорами. На стенах висели портреты выпускников, какие-то грамоты, расписания. Пахло мелом, линолеумом и дешёвыми духами.

Артём стоял у входа, сжимая рюкзак, и чувствовал себя так, будто идёт в клетку к тиграм.

— Ты как? — спросил Дамир. Он настоял, чтобы прово-

дить брата.

— Нормально, — соврал Артём.

— Врёшь.

— Хорошо. Плохо. Я боюсь.

— Я тоже боялся в первый день, — сказал Дамир. — В этой школе. Правда. Мне было 14, я только что переехал к отцу. Думал, меня сожрут.

— И что?

— Я сделал вид, что я страшный. И меня не тронули. — Он помолчал. — Ты не умеешь делать вид. Ты — добрый. Это сложнее.

— Значит, я пропал, — усмехнулся Артём.

— Нет, — Дамир положил руку ему на плечо. — Ты — упрямый. Я это знаю. Мама говорила: когда ты что-то решил — ты как танк. Медленный, но не остановишь.

— Она так говорила?

— Да. И она была права. Ты — мой брат. Мы одной крови. У нас один характер — просто мы его по-разному показываем.

— Ты показываешь кулаками, а я — молчанием, — сказал Артём.

— Но мы оба не сдаёмся, — закончил Дамир. — Запомни это. Никогда не сдавайся.

Они вошли в школу. В коридоре было многолюдно, шумно, кто-то бегал, кто-то смеялся, кто-то висел на телефоне. На Артёма почти не обращали внимания. Обычный новенький, таких много.

— Тебя ждут в кабинете директора, — сказал Дамир. — Я пойду. Если что — звони.

— Ты не хочешь зайти? — спросил Артём.

— Не хочу. У меня с директором старые счёты.

— Что ты сделал?

— Много чего, — усмехнулся Дамир. — Но я исправился. Не переживай.

Он развернулся и ушёл. Быстро, как всегда. Словно боялся, что если задержится — передумает.

Артём остался один в коридоре. Он сделал глубокий вдох, выдохнул. Подошёл к двери с табличкой «Директор». Постучал.

— Войдите.

Директор оказался лысым дядькой в очках. Он взглянул на Артёма поверх очков, вздохнул.

— Так, Корсаков Артём? — спросил он.

— Да.

— Я знаю твоего брата. Он у нас учился.

— Я знаю.

— Надеюсь, ты не пойдёшь по его стопам? — директор смотрел подозрительно.

— Не пойду, — твёрдо сказал Артём. — Я играю на гитаре. И не умею драться.

— Это хорошо. — Директор кивнул. — Иди в 10 «А». Классный руководитель — Ирина Викторовна. Будь тише воды, ниже травы. И у тебя всё будет хорошо.

— Я буду, — пообещал Артём.

Он вышел из кабинета, пошёл по коридору, ища класс. Мимо пробегали старшеклассники, кто-то толкнул его плечом. Он даже не остановился. Просто шёл, сжимая рюкзак.

10 «А» был на втором этаже, в конце коридора. Артём постучал, открыл дверь.

Класс уставился на него.

Тридцать пар глаз — любопытных, безразличных, насмешливых. Он стоял на пороге, чувствуя, как по спине течёт холодный пот.

— Это новенький, — сказала учительница, невысокая женщина с уставшим лицом. — Корсаков Артём. Садись на любое свободное место.

Артём кивнул и пошёл к задним партам. Он выбрал место у окна, сел, положил рюкзак, достал тетрадь.

Сзади кто-то шепнул:

— Корсаков? Ты слышал, он — Корсаков.

— Тот самый?

— Думаешь, брат?

— Похож. Но мелкий.

Артём сжал зубы и сделал вид, что не слышит.

Урок начался. Алгебра. Он попытался слушать, но слова учителя проходили сквозь него, как вода сквозь песок. Он думал о маме. О Дамире. О том, что будет дальше.

На второй перемене к нему подошли.

Трое парней — накачанные, с короткими стрижками и наглыми лицами. Один, рыжий и веснушчатый, навис над партой.

— Ты Корсаков? — спросил он.

— Да, — ответил Артём.

— Брат того самого?

— Да.

Рыжий усмехнулся.

— Слышь, братан, мы с твоим братом старые счёты имеем. Он одному моему другу руку сломал. Теперь другу её плохо сгибать. Ты как думаешь, кто должен ответить?

Артём смотрел на него снизу вверх. Сердце колотилось, как бешеное, в горле пересохло.

— Я не имею к этому отношения, — сказал он. — И я не умею драться.

— А это не проблема, — рыжий улыбнулся. — Мы научим.

Он схватил Артёма за воротник и рывком поднял со стула.

В этот момент звонок прозвенел, и в класс вошла учительница.

— Овчинников! — рявкнула она. — Отставить!

Рыжий отпустил Артёма. На прощание толкнул его в плечо.

— Мы ещё поговорим, — прошипел он. — После уроков. В парке.

Они ушли. Артём сел на место. Руки тряслись, во рту было сухо, как в пустыне.

Он достал телефон, посмотрел на номер Дамира. Нажал было, но передумал.

«Не хочу его подводить», — подумал он. — «Справлюсь сам».

Он не знал, как. Но знал, что если он сейчас позвонит — брат прибежит. И начнётся драка. И всё повторится. А он не хотел, чтобы повторялось.

Он хотел, чтобы всё было по-другому.

14:00. Парк «Солнечный».

Артём шёл по аллее, сжимая гитару в чехле. Он взял её с собой — вдруг поможет? Вдруг музыка успокоит?

Но сейчас он думал не о музыке.

Он думал о том, что его ждут.

Овчинниковы. Трое. И они не шутили.

Он увидел их у старой скамейки. Рыжий сидел, закинув ногу на ногу, и ухмылялся.

— А ты пришёл, — сказал он. — Смелый. Или дурак.

— Я хочу поговорить, — сказал Артём.

— О чём?

— О том, чтобы вы меня не трогали.

— А мы тебя и не трогаем, — усмехнулся второй. — Мы тебя просто... воспитываем.

Они встали, окружили его. Артём сжал гитару. Он не знал, что делать. Он не умел драться. Он никогда никого не бил.

— Слушайте, — сказал он, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я не такой, как мой брат. Я не умею драться. И не

хочу. Я просто хочу учиться и играть на гитаре.

— А нам плевать, что ты хочешь, — сказал рыжий. — Ты — Корсаков. Значит, ответишь.

Он замахнулся. Артём зажмурился.

И в этот момент раздался голос — женский, резкий, звонкий:

— А ну стоять!

Он открыл глаза. На дорожке стояла девушка.

В чёрной кожаной куртке, с ярко-красными волосами, собранными в хвост, с чёрным макияжем вокруг глаз. Она была невысокой, но в ней было что-то такое, от чего даже Овчинниковы замешкались.

— Лаврова? — удивился рыжий.

— Она самая, — сказала девушка. — А ну отвалили от пацана.

— Это не твоё дело, — огрызнулся второй.

— Моё, — она шагнула ближе. — Я сказала: он — мой. Я его видела раньше. Мы знакомы. Если вы его тронете — я расскажу отцу. И он приедет сюда с группой быстрого реагирования. Вам это надо?

Овчинниковы переглянулись. Рыжий сплюнул.

— Ты пожалеешь, — сказал он Артёму. — И ты, Лаврова. Вам обоим не жить спокойно.

Они ушли. Девушка подошла к Артёму. Он всё ещё сидел на земле, прижимая гитару к груди.

— Ты как? — спросила она.

— Живой, — выдавил он. — Спасибо.

— Вставай, — она протянула ему руку. — Нечего сидеть в грязи.

Он взял её за руку. Она была холодной, но сильной.

Он встал. Посмотрел на неё. Близко он увидел, что красные волосы — не натуральные, макияж яркий, глаза — карие, почти чёрные, и в них горел огонь.

— Ты кто? — спросил он.

— Анфиса, — сказала она. — Но все зовут Фиса.

— Я Артём.

— Я знаю, — она усмехнулась. — Я всё про тебя знаю. Новенький, Корсаков, брат того самого, который тут раньше всех пугал. — Она помолчала. — Ты не похож на него.

— Я знаю, — кивнул Артём.

— Это хорошо, — она посмотрела на его гитару. — Ты играешь?

— Да.

— Научишь?

Он удивлённо поднял брови.

— Ты меня спасла. Я тебя должен. Но я не умею учить.

— Научишься, — она улыбнулась. Улыбка была дерзкой, колючей, но в ней чувствовалось что-то тёплое. — До встречи, Артём.

Она развернулась и ушла, покачивая хвостом. Он смотрел ей вслед, пока она не скрылась за деревьями.

Потом опустился на скамейку, вынул гитару, и начал играть.

Странно. Он не знал, кто она такая. Но почему-то внутри стало тепло.

И впервые за долгое время он хотел улыбнуться.

— Спасибо, Анфиса, — сказал он тихо. — Спасибо, что пришла.

Глава 3. «Секрет, который не держится»

Среда. 16:30. Квартира Дамира и Алисы.

Артём открыл дверь ключом, который ему дали утром, и шагнул в коридор. Квартира встретила его тишиной — не той пустой, холодной тишиной, к которой он привык, а тёплой, домашней. Где-то на кухне тикали часы. На подоконнике спали коты, свернувшись в один пушистый клубок.

Он переобулся, повесил куртку, поставил гитару в угол. Прошёл в свою комнату, сел на кровать и уставился в стену.

В голове крутилась одна и та же картинка: Анфиса, стоящая на дорожке, её яркие волосы, её дерзкий голос: «Он — мой».

«Он — мой».

Артём не знал, что это значит. Он вообще не знал, что такое — быть чьим-то. Мама была его единственной семьёй, но она была слабой, больной, и он скорее заботился о ней,

чем она о нём. Он не привык, чтобы кто-то за него вступался. Не привык, чтобы кто-то говорил «он мой» и имел в виду «я его защищу».

От этой мысли внутри что-то сжалось. Страх? Нет. Что-то другое, тёплое и колючее одновременно. Как ёж, которого гладишь против шерсти.

— Ты вернулся? — раздался голос из коридора.

Артём вздрогнул. В дверях стоял Дамир. В одной руке — чашка с чаем, в другой — книжка. Похоже, он читал.

— Да, — кивнул Артём. — Только что.

— Как прошёл день?

Артём замялся. Овчинниковы. Угрозы. Девушка, которая появилась ниоткуда и спасла его. Он мог бы рассказать. Должен был. Но что-то остановило его.

— Нормально, — сказал он. — Все были вежливы.

Дамир поднял бровь.

— Всё вежливы? В школе, где учится половина моих быв-

ших врагов?

— Ну, почти все, — поправился Артём. — Один парень... познакомился. Но ничего серьёзного.

— Какой парень?

— Рыжий. Овчинников. Он сказал, что у вас с ним старые счёты.

Дамир напрягся. Его лицо стало жёстким, глаза потемнели.

— Он тебя тронул?

— Нет, — быстро сказал Артём. — Он просто... пошутил. Потом подошла учительница, и всё прекратилось.

— Овчинников не шутит, — сказал Дамир. — Я знаю его. Он мстительный. Если он к тебе подошёл — он что-то задумал.

— Ничего он не задумал. Всё нормально.

— Артём, — Дамир шагнул в комнату, сел на стул напротив него, — я знаю, когда мне врут. У меня сестра. Я чув-

ствую ложь на запах.

— У тебя нет сестры, — сказал Артём.

— Есть. Ты. Я считаю тебя братом, но ты ведёшь себя как младшая сестра, которая боится признаться, что её обидели.

Артём хотел возразить, но внутри что-то дрогнуло. Дамир говорил правду. Он врал. И это было глупо.

— Он угрожал мне, — признался Артём. — Они трое. Сказали, что у них старые счёты с тобой, и теперь я должен ответить. Я сказал, что не умею драться. Они ответили: «Мы научим». — Он замолчал. — Потом прозвенел звонок, и они ушли.

Дамир молчал. Его лицо было как каменная маска. Только глаза горели.

— А после уроков? — спросил он тихо. — Они тебя ждали?

Артём не ответил. Он опустил взгляд.

— Они ждали, — продолжил Дамир за него. — В парке. Ты пошёл. Ты пошёл, потому что не хотел, чтобы я вмеши-

вался. Ты хотел справиться сам.

— Откуда ты знаешь? — удивился Артём.

— Потому что я тоже так делал, — Дамир усмехнулся, но в голосе не было веселья. — Когда я был таким же дураком, как ты. Когда думал, что справлюсь сам. И каждый раз это заканчивалось плохо.

— Он меня не тронул, — сказал Артём. — Потому что пришла девушка. Она вмешалась, сказала, что я её знакомый, и они ушли.

— Девушка? — Дамир нахмурился. — Кто?

— Анфиса. Фиса.

Дамир замер. Его лицо стало странным. Он смотрел на Артёма так, будто тот только что произнёс что-то невероятное.

— Анфиса Лаврова? — переспросил он.

— Да. Ты её знаешь?

— Знаю, — медленно сказал Дамир. — Это дочь началь-

ника полиции. Того самого, который ловил моего отца.

— Что?

— Её отец — главный мент в городе. Тот, кто посадил нашего отца. — Дамир почесал затылок. — Она тебя защитила? Та самая Анфиса, которую все ненавидят за то, что её папа сажает людей?

— Да, — сказал Артём. — Она просто появилась. Сказала: «Он — мой. Отвалите». И они ушли.

— Она сказала: «Он — мой»? — Дамир посмотрел на него с подозрением.

— Ну... она сказала, что мы знакомы, — поправился Артём. — Но она так громко кричала, что звучало именно так.

Дамир хмыкнул. Покачал головой.

— Ты притягиваешь странных людей, брат.

— Это она притянулась ко мне, — возразил Артём. — Я просто стоял с гитарой и ждал, когда меня побьют.

— И она тебя спасла, — закончил Дамир. — Хорошо. Она

— не враг. Её отец — враг, но она — нет. — Он встал. — Если она ещё раз появится — дай ей спасибо от меня. Скажи, что Корсаковы помнят добро.

— Ты знаешь её отца? — спросил Артём.

— Мы сталкивались, — уклончиво ответил Дамир. — Но это не важно. Важно, что ты жив и не в больнице. А Овчинниковы... — Он сжал кулак и разжал. — Я с ними разберусь.

— Нет, — твёрдо сказал Артём. — Не надо. Если ты вмешаешься, они решат, что я слабый и не могу защитить себя. И это будет повторяться снова и снова. Я должен сам. — Он поднял глаза на брата. — Ты должен дать мне шанс научиться.

Дамир смотрел на него минуту. Две.

— Ты серьёзно?

— Серьёзнее некуда.

— Ты не умеешь драться, — сказал Дамир.

— Научусь, — сказал Артём. — Ты научишь. Ты же тренер. Тренируй меня.

Дамир усмехнулся. Но в его глазах мелькнула гордость.

— Наглый, — сказал он. — Как мама.

— Как мама, — согласился Артём.

— Ладно, — Дамир вздохнул. — Будем учиться. Но не кулаками — головой. Ты умный. Драка — это не только сила. Это хитрость, реакция, умение предвидеть. Я тебя научу уклоняться, падать, вставать. Не для того, чтобы ты стал бойцом. Для того, чтобы ты мог защитить себя.

— Договорились, — кивнул Артём.

— Завтра в семь утра. Парк. Я научу тебя держать кулак и падать так, чтобы не сломать себе ничего.

— Будет больно?

— Будет, — честно сказал Дамир. — Но ты справишься. Ты — Корсаков.

— А Корсаковы не сдаются?

— Никогда, — твёрдо сказал Дамир. — Запомни это. Ни-

когда.

19:30. Кухня.

Артём сидел за столом, нарезал хлеб к ужину. Алиса варила суп. Дамир чинил розетку в коридоре. Слышался его голос: «Ну и хлам...»

Алиса обернулась к Артёму.

— Он сказал, что будет тебя тренировать, — сказала она.

— Да, — кивнул Артём. — Утром.

— Обещай мне одно.

— Что?

— Не дай ему перестараться. Он, когда начинает кого-то учить, забывает, что человеку больно. Он будет гонять тебя до седьмого пота. А ты — худой как спичка. Ты не выдержишь его нагрузки.

— Я выдержу, — сказал Артём. — Я сильнее, чем кажусь.

— Я знаю, — улыбнулась Алиса. — Я просто переживаю.

Ты — семья.

— Спасибо, — он посмотрел на неё. — Ты не знаешь, как для меня важно, что вы меня приняли.

— А мы и не могли иначе, — она сняла кастрюлю с плиты. — Ты — брат Дамира. Значит, ты — мой брат тоже.

Он почувствовал, как внутри опять становится тепло. Он хотел сказать ещё что-то, но в этот момент из коридора донёсся голос Дамира:

— Алиса! У тебя там ручная лисица есть?

— Какая лисица? — она выглянула в коридор.

— Вот эта, — Дамир появился в дверях, держа на руках рыжего кота. — Бублик стащил провод и пытался его грызть. Я думал, он хочет стать электромонтёром.

— Он просто любопытный, — сказала Алиса. — Отдай его мне.

— Сам отнеси, — Дамир передал кота Артёму. — Держи. Он тебя любит.

Артём взял кота. Бублик замурлыкал, потерялся о его руку.

— Он правда меня любит? — спросил Артём.

— Он всех любит, кто его кормит, — усмехнулся Дамир.

— Но тебя — особенно. Он не всем ложится на колени с первого дня.

— Может, он чувствует, что я тоже рыжий, — сказал Артём, показывая на свои волосы (темно-рыжие, в маму).

— Может, — согласился Дамир. — Или просто знает, что ты — хороший.

Артём погладил кота и вдруг почувствовал, что хочет рассказать про Анфису. Про то, как она смотрела на него. Про то, как внутри всё перевернулось. Но он не сказал. Было слишком рано. Слишком странно.

Он просто сидел, гладил кота и думал о завтрашнем дне. О тренировке. О школе. О девушке с красными волосами.

Четверг. 07:00. Парк «Солнечный».

Парк был почти пустым. Туман стелился по земле, редкие прохожие проходили мимо, укутанные в шарфы. Артём сто-

ял на мокрой траве и смотрел на брата, который разминался, делая глубокие выпады.

— Ты не делал разминку? — спросил Дамир.

— Нет, — признался Артём.

— Запомни: без разминки не начинай ничего. Ни драки, ни спорта. Иначе порвёшь связки и будешь лежать с больной ногой.

Он показал Артёму простые упражнения: наклоны, вращения, приседания. Артём повторял, чувствуя, как мышцы начинают гореть.

— Неплохо, — сказал Дамир. — Теперь начнём.

— С чего?

— С падения. Ты должен уметь падать, чтобы не разбиться.

Дамир показал, как правильно падать на бок: сгруппироваться, погасить удар рукой, не выставлять локти.

— Твоя очередь.

Артём попробовал. Упал на спину, ударился лопаткой. Больно, но терпимо.

— Неправильно, — сказал Дамир. — Ты выставил локти. Сломаешь. Давай ещё раз.

Артём упал снова. И снова. И снова.

Через сорок минут он уже не чувствовал спины. Все мышцы горели, но он вставал и падал, вставал и падал, пока не получилось правильно.

— Молодец, — сказал Дамир. — Теперь удар.

Дамир показал технику прямого удара, как в боксе, но с нюансами: кулак прямо, кисть не сгибать, удар от бедра.

— Бей в мою ладонь. Тихо. Без силы. Сначала техника.

Артём ударил. Слабо, неуклюже.

— Ещё.

Ударил. Чуть сильнее.

— Ещё.

Он ударил снова и снова, пока не взмок.

— Хорошо, — сказал Дамир. — Ты понял. Мы это повторим завтра. А сейчас иди, переоденься, в школу.

— Я не могу, — выдохнул Артём. — Я не чувствую рук.

— Это нормально. Завтра будешь чувствовать ноги. Идём.

Они вышли из парка. Дамир шёл ровно, не задыхаясь. Артём еле переставлял ноги.

— Ты жёсткий тренер, — сказал Артём.

— А ты — упрямый ученик, — улыбнулся Дамир. — Нам по пути.

Четверг. 08:30. Гимназия №5.

Артём вошёл в класс на ватных ногах. Сел за свою парту, положил голову на руки и закрыл глаза.

— Ты выглядишь уставшим, — раздался голос.

Он поднял голову и увидел... Анфису.

Она стояла в дверях, прислонившись плечом к косяку, и смотрела на него. Та же кожаная куртка, те же яркие волосы, тот же дерзкий взгляд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.